

**Модернизация России в XX в и современное российское общество
Modernization of Russia in the XX century
and present Russian civil society**

Тимощук Алексей Станиславович, доктор философских наук, Владимирский юридический институт ФСИИ России, г. Владимир, Россия

Timoshchuk Alexey S., doctor of philosophy, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, a@timos.elcom.ru

УДК 316, 930.1

Аннотация: статья посвящена исследованию вопроса о соотношении модернизации и социально-духовного потенциала России. Обосновываются геополитические ресурсы и направления дальнейшей модернизации России. Рассмотрено место РПЦ в современной России.

Ключевые слова: революция, эволюция, модернизация, геополитика, демография, руссиеведение

Summary: the paper is devoted to the study of the issue of the relationship between modernization and the social and spiritual potential of Russia. The geopolitical resources and directions of the further modernization of Russia are justified. The place of the ROC in modern Russia is examined.

Keywords: Revolution, evolution, modernization, geopolitics, demography, Russian studies

Русская революция 1917 г. – событие положившее начало новому государству, новому обществу и новому мировому порядку. Это была попытка построить общество социальной справедливости, равенства и братства, причём в глобальном масштабе. Социальный инжиниринг происходил на фоне колоссальных социальных задач по модернизации, поэтому советский проект часто критикуется как утопия, тоталитаризм, новая система неравенства и эксплуатации.

Столетний юбилей революционных событий в России даёт нам возможность рассмотреть феномен революции масштабно и в диалектике развития науки, техники, культуры, общества, массового сознания. В условиях инновационного ландшафта современной России анализ типов развития – революция / эволюция / синергия, – сохраняет свою актуальность в условиях социального расслоения, демографической диспропорции Востока и Запада, Севера и Юга России.

2017 год – это кайрос, обладающим когнитивным потенциалом осмысления и интерпретации событий советской истории. Короткий проект строительства социализма в России охватил в общей сложности более 70 лет и прошел несколько стадий, различавшихся целями, механизмами реализации идей и результатами: от радикальной модели (военный коммунизм) к переходной/нэповской (многоукладное общество) и распределительно-плановой модели (советское общество). Сегодня как никогда важно обозначить процессы трансформации идей в мифы и конвертации их в конкретные управленческие решения.

Культуролог Розин В.М. призвал осмыслить знаменательные события 2017 года в связи с тем, что в мире назревает череда новых серьезных социальных трансформаций и перемен и важно определить место России в глобальном порядке: создаём ли мы что-то новое или идём в фарватере Запада, копируя их образцы мысли и жизни [7].

Ответ на этот вопрос можно дать, проследив геополитические тенденции последнего столетия. После Второй мировой войны образовалось два блока – один во главе с США, второй – во главе с СССР. Странами третьего мира стали называть тех, кто занял позицию не присоединения, например Индия, ЮАР, Эквадор. Эта политическая характеристика во многом совпадает с экономическим развитием. Главным бенефициаром технологий, капиталов, высокого качества жизни являются страны первого мира. Россия последнее столетие занимает положение страны второго мира и это не хорошо и не плохо, это объективный факт, связанный с тем, что она не могла остаться в когорте стран первого мира в силу накопившихся социально-экономических

проблем. Решительный способ преодоления отставания общественных сил получил название октябрьской революции.

Коммунизм как радикальная социальная утопия отработал свою роль не только в отечественной, но и в глобальной модернизации, дав надежду многим миллионам людей на достойную жизнь. При этом он улучшил не только жизнь масс в отсталых странах, но способствовал укреплению принципов социального государства в развитых индустриальных государствах.

Учитывая сложность и неоднородность модернизации, следует её считать не только политэкономической трансформацией, связанной с навёрстыванием индустриальных держав. Модернизация в социокультурном плане – это усовершенствование общественных отношений, представленная в индивидуации, эмансипации, рационализации, квалиметрии жизни.

В 2017 году проходят десятки научных конференций, посвящённых анализу уроков Октября и последствиям российского социального эксперимента XX века. Некоторые редакторы сборников уже выложили материалы в РИНЦ и можно подвести определённые итоги: 1) тема сохраняет актуальность, про революцию подают много материалов разные специалисты – историки, социологи, философы, искусствоведы и др. учёные; 2) география участников включает не только Россию, родину революции, но и республики, разделившие с ней историческую судьбу – Азербайджан, Беларусь, Дагестан, Узбекистан и др.; 3) затронуто много аспектов революционных событий: охвачены дневники очевидцев, региональные события, политэкономические, юридические, гендерные и даже эстетические аспекты.

Отрадно, что преобладает зрелая научная оценка советского прошлого. Особенно хотелось бы отметить следующие концептуальные идеи: 1) комплексность, масштабность и результативность советской модернизационной модели [1]; 2) революция как реакция населения на неспособность правительства удовлетворить потребности растущего народонаселения [8]; 3) революция есть экстремальное экзистенциальное усилие по достижению справедливости в несправедливом мире [10].

Из периодической печати следует выделить журнал «Философские науки», предоставляющий в каждом номере текущего года площадку для обсуждения революции 1917 г. и её последствий. В русле наших рассуждений обращаем внимание на публикацию В.Г. Федотовой, которая провела обширный обзор отечественных и зарубежных публикаций, посвящённых революции как модернизационному проекту общественного развития, отметила амбивалентный характер оценок мыслителей и обосновала, что революции приходят туда, где опаздывает модернизация [11].

Советское общество – это особый модернизационный проект XX века, который выступил локомотивом классической монархическо-буржуазной истории, дав надежду на самостоятельное развитие многим национальным общностям – от Вьетнама до Чили, от Монголии до Анголы.

Модернизация проходила по нескольким направлениям развития – экономическом, индустриальном, политическом, юридическом, социокультурном, эстетическом, этическом. Ускоренный характер обновления общественных отношений не мог не вызвать антиномий между классами, партиями и элитами. XX век – наиболее драматичный для России, как по людским потерям, так и по кардинальным мировоззренческим трансформациям. В этот период происходит выработка новых ценностно-смысловых ориентиров: преданность революции как аксиологическая доминанта, низкая оценка индивидуальной человеческой жизни и личности, социальный утопизм. Имеет место нарушение сословных мемориальных эстафет, закладываются новые коммеморативные ритуалы. В этой связи особенно важным следует признать всестороннее и полноценное осмысление истории революций и

Гражданской войны, их место в современной России. Возможно, история никого ничему не может научить в силу неоднородности и аномичности исторического процесса, вместе с тем она имеет собственную ценность как коммеморативная практика, история болезни и, как говорят испанцы – Antecedentes Penales, картотека преступлений.

Проблемы изучения Революции 1917 года, её последствий для страны и мира – ключевые для отечественной исторической науки – сегодня требуют пристального внимания исследователей, не только историков, а, безусловно, социологов, философов, политологов, культурологов. Проблемное поле исследований представляется чрезвычайно широким. Актуальность темы обусловлена социальными противоречиями, которые спустя сто лет после революции снова будоражат общество. Речь идёт о контраверзах труда и капитала, необходимой и прибавочной стоимости, социальным государством и гражданским обществом, права и необходимости в трудовых отношениях. Цель статьи – дать философско-акмеологическую характеристику истории России XX века, т.е. рассмотреть движение российского общества в социально напряжённом времени последнего столетия.

Историческая память о революции

2017 год революционный втройне. Тысячу лет в Южной Индии назад родился Рамануджа, реформатор вишнуизма, который восстал против кастовой дискриминации. В 1517 Мартин Лютер провозгласил 95 революционных тезисов об отношении Бога, церкви, государства и человека. Опрос студентов, проводимый автором, показывает, что порядка 20 % первокурсников не знают, какая столетняя годовщина наступает в истории России в 2017 году. Личность В.И. Ленина обычно все опрошенные могут идентифицировать как «государственного деятеля», «политика». Вместе с тем фамилии Зиновьева, Каменева, Рыкова и других активистов РСДРП молодёжи не знакомы. Равно как и имена других важных российских участников политических процессов столетней давности – Гучков, Пуришкевич, Керенский и т.п. Вопросы о различии программы меньшевиков и большевиков вызывают затруднения. Непроходимыми дебрями представляются обучающимся вопросы о сущности марксизма-ленинизма, диалектического материализма, военного коммунизма.

Выводы, к которым пришли исследователи исторической памяти, заключаются в следующем: 1) наблюдается опасная тенденция к забвению крупнейших событий истории XX века, 2) знание и уважение прошлого – необходимая основа социального согласия, 3) способность вспоминать, как фактор грядущего предлагается в качестве способа актуализации исторической памяти и уроков революционных событий [2, 3, 6].

Коммеморативная практика событий 100-летней давности затруднена разными факторами: 1) выросла плотность информационного шума, 2) в сетевом обществе имеет место локализация мнемонических эстафет, 3) отсутствие принятой государственной стратегии по национальной памяти. Прогнозируя мемориальные эффекты отметим, что информационное давление будет только нарастать и к 200-летию русской революции практика её памятования и всей 70-летней эпохи советской власти будет сведена к одной строчке – «ускоренная социальная модернизация XX века».

Место РПЦ в современной России

Обновление общественных отношений состояло из множества подпроцессов, таких как индустриализация, повышение горизонтальной и вертикальной мобильности населения, урбанизация. Одним из существенных элементов общественного развития революционной России стала секуляризация. Эта государственная политика является комплексной и включает в себя такие направления, как:

- отделение церкви от государства, от образования,
- репрессии по отношению к религиозным институтам,
- атеистическая пропаганда,

- активное разцерковление масс рабочих и крестьян,
- обмирщение как результат становление нового технологического общества,
- изъятие движимого и недвижимого имущества из собственности религиозных организаций, - нарушение традиционного крестьянского быта.

Длительное слияние РПЦ с монархией не могло не сказаться на положении конфессии в России после 1917 г., она не могла найти себе места в новом государстве. Верой и правдой служа царскому самодержавию, предоставляя ему идеологическую поддержку, православие вызывало антипатии у радикальных революционеров. В общественной структуре накануне 1917 г. церковная элита делила место в высшем эшелоне общества, что не создавало народной платформы для национального примирения на основе религии. Сегодня, по-прежнему, общество разделено по доходам на две большие группы и священнослужители воспринимаются сегодня как часть не только этической, но и экономической элиты общества, далёкой от народа. Хотя отдельные «деревенские батюшки» могут занимать невысокое социальное положение, церковная элита, в целом, далека от народа, также как она и была далека накануне революции.

Однако Церковь сегодня снова нужна власти как исторический фундамент, органический принцип связи с народом. Это единственный коллективный собственник, которому передаётся дореволюционное имущество, заодно с религиозными организациями старообрядцев, католиков, мусульман, иудеев, протестантов, буддистов, кто владел собственностью до революции. Возможно преждевременно говорить о ресакрализации общества, однако можно отметить, что РПЦ нашла своё прочное место в современных геополитических условиях. Так, сегодня вновь обращаются к опыту благотворительных домов трудолюбия, организованных в рамках РПЦ, это актуально для ресоциализации осуждённых. В советское время дома трудолюбия были постепенно закрыты, а с 1961 г. бродяжничество и попрошайничество стали уголовно наказуемыми. Обязанность борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни была возложена на органы внутренних дел, которые проводили рейды и помещали бездомных в приемники-распределители и направляли на обязательные работы. С 1991 года бездомность декриминализована, что положительно для уголовной политики, но не решает проблемы бездомных, число которых значительно увеличилось в годы передела собственности. В настоящее время опыт домов трудолюбия верующих, пожалуй, единственный комплексный способ помощи освободившимся осуждённым, не имеющим постоянного места жительства.

Революция – это быстрый насильственный способ передела собственности. Действительно, ведь долго не могло продолжаться, что 90 % населения не владеет ничем, кроме рабочих рук, а остальные 10 % владеют всем богатством. Подобно тому, как Пугачёв жёг ненавистные бумаги, документы, закладные, что символизировало свободу от права собственности на крепостных, революция 1917 уничтожила права всех владельцев дореволюционной собственности. В силу нарушения мемориальных эстафет реституция собственности возможна, пожалуй, только по отношению к религиозным институтам, отличающихся консервативным отношением к памяти. Из-за последующей ускоренной модернизации иные социальные группы не обладают консолидированным банком памяти и коммеморативной силой для того, чтобы представлять свои интересы. Вопрос о реституции удовлетворяется Росимуществом и органами местного самоуправления только в отношении собственности религиозных организаций. Был принят закон № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». Иное имущество, находящееся в

частной собственности до революции в РФ не возмещается, в отличие от Польши, Венгрии, Чехии, Румынии, Латвии, Литвы, Эстонии. В Восточной Европе и Прибалтике, где советская власть действовала на 30 лет меньше, нежели в СССР, была произведен возврат владельцам и правопреемникам имущества как неправомерно захваченного просоветским правительством.

Роль элит в клиодинамике

Профессор из США Турчин П.В. предложил изучать причины макросоциологических изменений и культурно-технологической эволюции количественно. Он считает, что клиодинамику можно прогнозировать квантитативно. Революции, бунты, падение цивилизаций предсказуемы, они рассчитываются математически по 50-200 летним циклам, основанным на перепроизводстве элит. Иначе говоря, причина социальной нестабильности не сводится к обнищанию низов, она коренится, в том числе, и конкуренции за обладание роскошью среди верхов. Чем больше энергии общество тратит на власть над удовольствиями, тем менее оно сплочённо. Гражданский коллективизм стран потребления, полагает П.В. Турчин, низок как никогда. При этом рецепты, предлагаемые эволюционным экологом, будут непопулярны в рыночной экономике: сдерживать обогащение классов и доступность образования как социального лифта [12].

Тема политической элиты (Москва, Парето, Михельс, Турчин и др.) весьма интересна и важна в исследовании социодинамики. Возможно она разовьётся в самостоятельную историческую «элитософию». Сегодня недостаточно описать элиты, необходимо оценивать причины их производства / перепроизводства, циркуляции / стагнации, формы социальной мобильности. Избыточность политической элиты является одной из центральных тем самого обширного древнего эпоса «Махабхарата». В индийской эпической литературе фигурирует «Парашурама фактор» или восстание брахманов против кшатриев. П. Турчин пишет о профиците национальных элит как движущей силе революции в Петрограде, имевшей место 100 лет назад и детерминанте клиодинамики в целом. Индийская политическая элита, сформированная в период колониального правления, достигла акме в конце XIX в. и сформировала собственное государство. Теория элит объясняет государственно-политические изменения на Украине последних лет. Все эти аспекты свидетельствуют о значимости и актуальности теории элит. Теория элит напрямую связана с концепцией исторической памяти, т.к. в условиях быстрой смены элит мы получаем гибридные мнемонические эстафеты, мозаичное восприятие прошлого, когда на одной странице героями гражданской войны могут быть названы непримиримые враги.

Не следует представлять репрессии большевиков как психологические упоение насилем и патологией, как это порой делается в либеральной литературе. Известна оценка Бердяева, по которой Ленин проповедовал жестокую политику, но лично он не был жестоким человеком. Красный террор имел свою рационализацию в виде экспроприации золота и зерна, устранения противников, а затем и соратников, выражавших несогласие с политикой лидера коммунистической партии.

Накладывая модель Турчина на предреволюционную ситуацию в России, можно найти некоторые соответствия, например, переизбыток незанятых образованных людей, разночинцев, интеллигенции, которые стремились прийти к власти. Всё это происходило на фоне общего демографического роста, наполнением городов неквалифицированной рабочей силой. Рекруты Первой мировой войны – это бывшие крестьяне, столкнувшиеся лицом к лицу с социальным неравенством города и деревни. Вместе с тем, Турчин стремится упростить историю, втиснуть её в линейную модель, что невозможно. Революцию 1917 нельзя объяснить только пресыщением высшего эшелона власти, скорее речь идёт об идейном политическом кризисе властной элиты.

Социальная модернизация России в XX в.

Спустя 100 лет после революции общество также сильно дифференцировано по уровню жизни. Вместе с тем, структура бедности также изменилась, сегодня социальным низам гораздо больше есть что терять, нежели накануне революции, их благосостояние увеличилось. За 100 лет построения социальной справедливости в России практически не осталось пролетариата. Три миллиона бездомных в современной России не являются социально активной группой индустриального и постиндустриального общества.

По мере роста класса собственников в России большевизм всё больше рассматривается как экстремистская модель политической борьбы. В условиях, когда эволюционным путём создание среднего класса было невозможным, происходит обоснование права пролетариата и беднейшего крестьянства на насилие и диктатуру. Отмена крепостного права, конституционная монархия, парламентаризм, буржуазные права и свободы – всё эти меры запаздывали на 100-200 лет. Не случайно И.В. Сталин в своей речи «О задачах хозяйственников» на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. отметил: «Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут... Мы решили ряд труднейших задач. Мы свергли капитализм. Мы взяли власть. Мы построили крупнейшую социалистическую индустрию. Мы повернули середняка на путь социализма. Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось немного: изучить технику, овладеть наукой» [9, с. 38-39, 41].

Сталин осуществил ускоренную модернизацию за счёт закрепощения крестьян в колхозы, которые обязаны были работать бесплатно, за палочки в табеле при запрете покинуть деревню и отсутствии паспортов для колхозников. Вместе с тем, крестьяне обязаны большевикам отменой задолженности Крестьянскому поземельному банку, совокупная стоимость которой составляла около 2 миллиардов рублей. Вдобавок после революции сельское население смогло осуществить «чёрный» передел земли, скота и сельхозинвентаря, построек частных имений, хотя и ненадолго. С другой стороны, вооружённый город забирал у деревни зерно и скот в рамках «продовольственной диктатуры», наступившей уже в мае 1918 г., что привело к вооружённым конфликтам и многотысячным жертвам.

Большевики не воспринимали крестьян в целом как свою социальную опору, они нужны были как источник зерна и других продуктов, которое прятали от изъятия. Не случайно их изображали как идейно отсталую, пассивную, реакционную массу. Люди земли – главные жертвы трагедии 2017 года. 80% преобладание крестьянского населения накануне революции обуславливало главный конфликт революции – города и деревни. Снятием этого конфликта занималась 70 лет советская власть силовыми, экономическими, образовательными и инфраструктурными методами: «начиная с октября 1917 г. огромная государственная машина безостановочно работала, чтобы свести на нет материальное неравенство между людьми, и достигла в этом определенных успехов – в 1985 г. децильный коэффициент равнялся 4, в то время как в последние годы царского режима – около 7» [5, с. 124].

Сама экспроприация 1917 г. по принципу «грабь награбленное» не устраняет причин бедности. Вывод, к которому приходит Б.Н. Миронов, специалист по исторической социологии – обобществление имущества богатых после революции не решило проблему бедности в России, т.к. «...имущественное неравенство в начале XX в. в России... имело важную особенность: незначительное по западным стандартам богатство сосредоточивалось в руках лишь нескольких тысяч аристократов и представителей крупного капитала, а среди остальных 99,7% населения оно распределялось без кричащих контрастов» [4, с. 103].

В споре народников и марксистов о том, может ли Россия избежать индустриализации, победили марксисты. Спустя сто лет после модернизации мы имеем, как и ранее, диспропорцию между бедной массой и узким слоем привилегированных. Растущее расслоение становится наиболее острой социальной проблемой.

Расслоение общества и советская социология

Социальная дифференциация – это показательный феномен, который к 50-й годовщине Великой октябрьской революции в 1967 г. продемонстрировал расхождение между официальной идеологией гомогенной социальной структуры, состоящей из господствующего рабочего класса, уменьшающегося количества колхозного крестьянства за счёт снятия различия между городом и деревней и особой социальной прослойки – интеллигенции, постепенно сокращающейся за счёт преодоления различия между умственным и физическим трудом. Новой элите хотелось видеть исполнение мечты о бесклассовом обществе прямо сейчас, когда место социальной стратификации занимал единое сообщество работников социалистического труда. Эта идеологема маскировала реальную стратификацию с громадными различиями верхов и низов, с мощным слоем партийно-государственной бюрократии. Социология вскрывала диспропорции ведомственного заказа и общественной практики и поэтому была нежеланна. Отделы статистики завывали темпы роста. Сегодня, спустя 50 лет развития отечественной социологии, мы имеем такую же проблему: занижение ценообразования в территориальных органах статистики и сдерживание, таким образом, прожиточного минимума.

Сценарий, когда одно и то же ведомство занимается деятельностью и при этом ведёт её учёт, напоминает классический конфликт интересов, когда заказчик диктует какие цифры писать. Можно ли верить официальной статистике раскрываемости преступлений МВД? Способствует ли перевод Росстата в подчинение Минэкономразвития, который на основании расчётов первого делает экономические прогнозы, объективности данных? Отсутствие альтернативных вневедомственных статистических исследований не позволяет ответить на эти вопросы.

Минская конференция социологов 1966 г. констатировала, что реально обнаруженная социальная стратификация в СССР в виде нескольких уровней рабочих, крестьян, разного вида специалистов, канцелярских служащих, инженеров, не вписывалась в марксистскую схему, где не было места для «социальной стратификации», «урбанизации», «социальной мобильности», «социального неравенства», «иерархии». Достоинство внимания то, что полученные первыми социологами в СССР данные, были обработаны теми же, что на Западе методами, а именно, математическими. Не только математика, как метод, но и социальная инженерия, автоматизация труда как социальный идеал сближали технократов СССР и Запада.

Пока партия рассуждала о преодолении противоположности между городом и деревней, труд колхозников в СССР фактически был бесплатным до 60-х годов прошлого века. При этом рабочие при советской власти приобретали сельскохозяйственные продукты за деньги у государства. Отмена системы бесплатного труда в колхозах (за зерно) произошла только в середине 60-х годов XX века, что

является важной вехой в модернизации России. Это был реальный шаг к фактической отмене крепостного права. Потому что, отменив декретом 1917 года выплаты банкам за землю, большевики закабалили крестьян обязательным бесплатным трудом. Вторым шагом к отмене советского крепостного права стало введение в 1974 г. нового «Положения о паспортной системе в СССР», согласно которому жители сельской местности были уравнены в формальном праве на перемещение с жителями городов. Потребовалось более шести лет, чтобы обеспечить паспортами 100-миллионное сельское население. Фактически, такой этап модернизация царской России как выравнивание юридического положения жителей города и деревни, завершился со смертью Л.И. Брежнева. Следующий этап модернизации – перестройка М.С. Горбачёва (1985-1991 гг.) ещё нуждается в переосмыслении и рифрейминге с высоты веков.

Ориентиры модернизации России

Сегодня раздаются голоса, что России исчерпала свои ресурсы модернизации, – для международной конкуренции у неё нет таких трудовых ресурсов, как у Китая, её климат и протяжённость границ не являются преимуществами в геоэкономическом противоборстве.

Утверждения, что Россия холодная и неконкурентная страна уравниваются тем, что сегодня редкая страна имеет полностью благоприятные природно-климатические условия: в США и Японии большие затраты на ликвидацию последствий тайфунов, в пустынных регионах – на амелиорацию земель, в тропических странах – на кондиционирование. Мороз в условиях глобального потепления имеет колоссальные преимущества: нет вирулентных инфекций, огромные запасы пресной воды, в холодных морях выше биомасса.

Российские расстояния и русский холод могут быть преимуществами в глобальной конкуренции. В своё время Британская империя имела самые протяжённые границы, однако политика протекционизма позволяла ей получать сверх прибыли. Разнообразие регионов России позволяет благодаря разумному управлению извлекать преференции из самых неблагоприятных условий.

Крупные агломерации городов (Бостон – Вашингтон, Чикаго – Питтсбург, Лондон – Ливерпуль, Токио – Кобе), выигрышные для индустриального и постиндустриального развития, уязвимы для экологических и технологических проблем. В России нет крупных 50-миллионных агломераций и всего 15 городов-миллионников, что, однако, позитивно с точки зрения безопасности. Крупные скопления людей всегда уязвимы во время природных и техногенных катаклизмов.

Мир так устроен, что сила в одном, является также и слабостью в другом. Так, у кого большая армия, имеет мощь, но уязвим в экономических расходах на её содержание. Страны, обладающие значительными трудовыми ресурсами, зависят от спроса других стран на их дешёвую продукцию. Помимо этого, государства с большим предложением дешевой рабочей силы, обычно сталкиваются с неразрешимой проблемой трущоб, источниками инфекционных заболеваний, детской смертности и преступности. Трудовые ресурсы России не велики, по сравнению с Китаем, Индией, но они в массе более образованы.

Действительно, наша индустриальная и постиндустриальная экономика построена на углеводородах и полноценной замены им пока не предвидится. В этих условиях остаётся всё меньше оптимизма для восходящей кондратьевской длинной волны технологического прорыва. Россия остро нуждается в сохранении транспортной системы из-за удалённости территорий. В этой связи наиболее перспективными являются разработки газомоторного, электромоторного транспорта, разведка новых невозобновимых источников энергии, исследование возможности эксплуатации

возобновляемых ресурсов, развитие энергосберегающих технологий и вторичной переработки.

Одновременно с этим России нужна новая экономическая политика, которая бы была основана на снятии бюрократических препон с малого и среднего предпринимательства, упрощённом налогообложении, оптимизации расходов государства и повышении доверия граждан. Трудность заключается в обеспечении деятельности государства с огромными социальными обязательствами и облегчении налогового бремени. Известно, что увеличение сборов и ухудшение уровня жизни может выступить катализатором социальных волнений, как это было во времена Алексея Михайловича (медный и соляной бунт), Петра I (булавинское восстание), Сталина и Хрущёва (новочеркасские волнения, выступления в Муроме и Александрове).

Часто мы недооцениваем вклад гуманитарных преобразований или ценностно-смысловой модернизации в развитие общества. Гуманизация властных технологий медленно осуществляется последние несколько тысяч лет благодаря адаптации открытий в области общественной мысли. Без таких ноу-хау как город, социальное государство, закон, собственность, конституция, университет невозможно представить современный тип общества. Очевидно, что потенциал для дальнейших гуманитарных преобразований ещё не исчерпан и возможно он превосходит ресурсы технологической модернизации. Идеи новой ценностно-смысловой революции ещё только формулируются в глобальном ноосферном котле современной цивилизации. Её агентами выступают: 1) наука и образование с идеями когнитивизма, синергетики, коэволюции; 2) глобальные тренды в экономике, осуществляющей ценностный переход от материального богатства к нематериальным активам (здоровье, долголетие, знание, счастье, человеческий капитал); 3) социальные сети, формирующие требования к власти как к ценностной элите, 4) экологический тренд конституции для всей природы, защищающей права всего живого, а не только человека, 5) религии, стоящие на позиции открытости, диалога, медиации и служения. Гуманитарные науки в этих условиях должны обеспечить передачу ценностно-смысловых ориентиров: чёткое разграничение описательных высказываний и оценочных; представление российской истории как объективного процесса; память о народных жертвах, обеспечивших независимость государства и его достижения в науке и экономике.

Заключение

В статье была поставлена цель дать философско-акмеологическую характеристику истории России XX века. Для этого были решены следующие задачи: 1) выявлены сложности мемориального традирования новейшей истории России, 2) определено место РПЦ в современной духовной аксиосфере как института социального служения, 3) перепроизводство элит названо в качестве одной из причин революции 1917 г., 4) советский период развития России был охарактеризован с позиции ускоренной социальной модернизации, 5) сформулированы требования к актуальной технологической и ценностно-смысловой модернизации. Несомненно, Россия является частью глобальной системогенетики, но это не снимает ответственности за национальные ориентиры и решения. От них зависит место России в будущем глобальном порядке.

Список литературы и примечания.

1. Березкина О.С. Советский модернизационный проект в контексте опыта других стран // Революции в отечественной и мировой истории: к 100- летию российских революций 1917 года: матер. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 г. / под ред. В.М. Доброштанова, С.И. Бугаева, А.С. Минаева, Т.В. Рабуши. СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2017. С. 37-40.

2. Глухарев Н.Н. Октябрь 1917 г. В пространстве исторической памяти: от мемориализации к забвению // *Война и революция: социальные процессы и катастрофы Материалы Всероссийской научной конференции: электронное издание.* 2016. С. 98-106.

3. Коваленко В.И. Историческая память как категория политической науки: к осмыслению уроков революции 1917 года // *Историческое место советского общества Материалы Всероссийской научной конференции. Под общ. ред. А.Б. Ананченко; Московский педагогический государственный университет. Институт истории и политики.* 2016. С. 22-29.

4. Миронов Б.Н. Какая дорога ведет к революции? Имущественное неравенство в России за три столетия, XVIII-начало XXI в. (статья первая) / Б.Н. Миронов // *Социологические исследования.* 2014. № 8. С. 96-104.

5. Миронов Б.Н. Какая дорога ведет к революции? имущественное неравенство в России за три столетия (статья вторая) / Б.Н. Миронов // *Социологические исследования.* 2014. № 11. С. 121-129.

6. Петин Д.И. «Гражданская война в России (1917-1922 гг.): историческая память и проблемы мемориализации “красного” и “белого” движения» // *Отечественные архивы.* 2016. № 4. С. 130.

7. Розин В.М. Парад знаменательных годовщин (размышления о ситуации в российской философии и современности) // *Философские науки.* 2017. № 1. С. 41-57.

8. Сокол Ф.Н. Революция и социально-демографический фактор в обеспечении национальной безопасности России // *Революции в отечественной и мировой истории: к 100- летию российских революций 1917 года: матер. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 г. / под ред. В.М. Доброштан, С.И. Бугашева, А.С. Минина, Т.В. Рабуш.* СПб.: ФГБОУВО «СПбГУИТД», 2017. С. 366-369.

9. Сталин И.В. Сочинения. В 13 т. Т. 13. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 418 с.

10. Фатенков А.Н. Бездарность «элиты» и революционный эксцесс (удручающие исторические параллели) // *Революция и современность: материалы научно-практической конференции 3 марта 2017 г. / отв. ред. А. Г. Аннин, Р. В. Евстифеев. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС,* 2017. С. 228-231.

11. Федотова 2017 – Федотова В.Г. Революция и модернизация // *Философские науки.* 2017. № 4. С. 35–54.

12. Turchin P. Cliodynamics: History as Science. – URL: peterturchin.com/cliodynamics/ (дата обращения: 04.10.2017)